

Образ «чаша из черепа» в русской поэзии XIX—XX вв.

Образ «чаша из черепа» можно обнаружить у совершенно разных поэтов XIX—XX вв., и каждый раз он привлекает внимание своей экзотичностью. Тем не менее этот образ имеет вполне солидную историю в культуре и, в частности, в языке русской поэзии, где фиксируется с начала XIX в., проникая из разных культурных традиций.

Мы бы хотели в рамках данной статьи проследить источники проникновения представления о чаше из черепа в русскую поэзию и выявить основные аспекты функционирования этого образа. Тексты, содержащие образ «чаши из черепа», неоднократно привлекали внимание исследователей, но развитие этого образа на протяжении длительного времени, переключки между произведениями поэтов разных эпох, взаимодействие разных поэтических традиций не рассматривались. Тем не менее эта проблема представляется достойной рассмотрения, поскольку жизнь образов и символов в культуре еще в целом недостаточно изучена.

Впервые в художественной литературе образ «чаши из черепа» появляется в примечании к патетическому и патристическому стихотворению А. Ф. Мерзлякова «Мячковский курган» (1805). Оно посвящено сохранению памяти о борьбе русского народа против татаро-монгольского нашествия и воспеванию подвигов. Вот как начинается этот текст:

Остановися, росс! Се путь твоих побед;
Се путь к могуществу, к державе похищенной;
Се подвиг, счастью потомства посвященный.
Бог мщениа — твой вождь; тела врагов — твой след;
Добыча милая — родительские кости**,
Не защищенные и матерью-землей
От хищных, лютых чад неверия и злости
[Мерзляков 1867: 75].

Образ «чаши из черепа» возникает не в самом поэтическом тексте, а во второй сноске к нему, помеченной двумя звездочками и относящейся к строке «Добыча милая — родительские кости»:

Это было зверское обыкновение татар. Они разрывали гробы знаменитых россиян по жадности к богатству; они из черепов убитых героев делали **чаши**¹ и употребляли их при пиршествах. Россияне дорогою ценою выкупали сии драгоценные остатки своих соотечественников. — Ав<тор> [Мерзляков 1867: 75].

Установить источник, откуда поэт берет сведения об обычаях татаро-монголов, достаточно сложно. Мерзляков, видимо, в этом пассаже фиксирует сохранившиеся в его памяти сведения из истории русского народа, рассказанной известными историками XVIII в., такими как В. Н. Татищев, который приводит легенду о гибели князя Святослава, из головы которого хан печенегов сделал пиршественную чашу. Эту информацию поэт переносит на представления о нравах и обычаях татар, которые естественно трактуются им как дикие, кровавые и антихристианские, в отличие от обычаев православного русского народа.

Другой источник образа «чаши из черепа» — русская летопись в пересказе Н. М. Карамзина, содержащая аналогичный рассказ о смерти князя Святослава, из черепа которого хан печенегов приказал сделать чашу. Этот рассказ вдохновил К. Ф. Рылеева на создание ряда произведений. В небольшом прозаическом предисловии к думе «Святослав» (1822) Рылеев сообщает: «Возвращаясь в отечество, Святослав (в 972 г.) зимовал у Днепровских порогов; на него напали печенеги, и герой погиб. Враги сделали чашу из его черепа» [Рылеев 1934: 126]. Источником для этого предисловия, скорее всего, является «История» Карамзина, издание первых, посвященных древней истории Руси, томов которой стало культурным событием: «Князь их, Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу» [Карамзин 1993: 142]. Но в стихотворном тексте думы Рылеев не обыгрывает указанный образ, он делает это позднее в другом своем тексте.

В 1825 г. Рылеев снова возвращается к легенде о трагической гибели князя Святослава в незавершенном наброске «На гордой крутизне берегов»:

¹ Здесь и далее выделение наше. — Е. К.

На гордой крутизне берегов
Стоит во мраке холм Олегов;
Под Киевом вокруг костров
Пируют шайки печенегов. <...>
Среди вождей перед костром
Их князь сидит на пне седом,
И буйную толпу кругом
Обходит **череп** Святославов
С заморским пенистым вином
[Рылеев 1934: 409].

Рылеев практически ничего своего не добавляет к художественной интерпретации образа, по сути, он просто излагает исторический сюжет в стихотворной форме, и «чаша из черепа» выступает в этом тексте в качестве **художественной детали**, передающей исторический колорит далекой от автора эпохи. Он воспринимает обычай изготовлять чаши из черепов как исторически достоверный и с точки зрения современного цивилизованного человека характеризует его как «печать свирепых диких нравов» [Рылеев 1934: 409]. Этот обычай, оказавшись связанным со смертью одного из легендарных первых русских князей, оттеняет благородство и цивилизованность русских правителей на фоне кровожадного варварства их врагов.

Образ «чаши из черепа» после произведений Рыльева начинает устойчиво связываться с темой древней истории Руси. Этот концепт как бы фиксирует, вбирает в себя память о легендарном национальном прошлом, о котором вспоминают в моменты внешней угрозы, когда необходимо поднять боевой дух, напомнить о патриотизме и героизме своих прославленных предков.

Интерес к этому сюжету возобновляется в начале XX в. В. Я. Брюсов пишет стихотворение «Завет Святослава» (1915), В. Хлебников — «Написанное до войны» (<1913>), С. А. Есенин — «Песнь об Евпатии Коловрате» (1912). Так образуется историческая линия функционирования образа, использующегося как яркая деталь для описания славного прошлого, должного вдохновить на подвиги и защиту Родины. В отличие от Рыльева

и Мерзлякова авторы XX в. уже не усматривают в чаше из черепа ничего отталкивающего, наоборот, эта художественная деталь скорее идеализируется, становится символом первобытной мощи, утраченной к началу XX в.

Второй источник обогащения русской поэтической традиции образом «чаша из черепа» — западноевропейская литература романтического направления и в частности знаменитое стихотворение Дж.-Г. Байрона «Lines Inscribed upon a Cup Formed from a Skull» («Надпись на чаше из черепа»; 1808):

Start not — nor deem my spirit fled:
In me behold the only skull
From which, unlike a living head,
Whatever flows is never dull. <...>

Better to hold the sparkling grape
Than nurse the earthworm's slimy brood,
And circle in the goblet's shape
The drink of gods than reptile's food.

Where once my wit, perchance, hath shone,
In aid of others' let me shine;
And when, alas! our brains are gone,
What nobler substitute than wine?
[Byron 1842: 847].

Этот текст, вероятно, обусловил упоминание чаши из черепа в сатире А. Г. Родзянки «Два века» (1822):

Лорд Байрон — образец, и гения уродство —
Верх торжества певцов, их песней превосходство.
Разбойник, висельник, Корсар и Шильд-Гарольд
На место Брутов, Цинн дивят теперь народ; <...>
И Стали в честь подняв нескладный крик и шум,
Военну вашу песнь вы дайте ей послушать,
Пить в черепе, курить табак и пададь кушать.
Так видим мы в наш век тьму гибельных плодов
От мудрости в чепце, от юпочных творцов!
[Родзянка 1972: 164—165].

И все хлестнул до дна!
Не шевельнув устами...

Я проснулся и дал себе честное слово никогда не воспевать таких уро-
дов и тебе не советую [Батюшков 1964: 255—256].

Тем не менее, как следует из примечаний, Батюшков попал под впечатление от этого обычая и воплотил его в стихотворном образе, работая над поэтическим текстом баллады «Песнь Гаральда Смелого». Соответственно «чухонцем» Батюшков именует древнего скандинава, а не финна или другого представителя финно-угорских племен. По словам Шарыпкина, «пребывание в Финляндии, культура которой воспринималась Батюшковым как специфически Скандинавская, усилило его интерес к далекому прошлому варяго-русского севера» [Шарыпкин 1980: 127].

Скандинавская и древнерусская традиции могли объединяться в сознании писателей, обращавшихся к образу «чаши из черепа», благодаря норманнской теории. Обычаи древних славян и варягов имели общие корни, а народы — общую древнюю историю. В XX в. обе традиции, обусловившие проникновение в язык русской поэзии этого образа, оригинально скрещиваются в стихотворении Н. С. Гумилева «Ольга» (1920):

Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века.
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затея вражду, —
Сумасшедших сводов Вальгаллы,
Славных битв и пиров я жду.

Вижу **череп с брагою хмельною,**
Бычьи розовые хребты,
И валькирией надо мною,
Ольга, Ольга, кружишь ты
[Гумилев 1990: 348—349].

Гумилев, безусловно, представляет древних варягов своими предками, а Скандинавию — своей прародиной, неиссякаемым источником жизненных сил. Скандинавская тема у Гумилева, очевидно, связана еще и с влиянием творчества Р. Вагнера. В начале XX в. в Санкт-Петербурге была представлена вся знаменитая оперная тетралогия композитора на темы скандинаво-германского фольклора — «Кольцо нибелунга». Действующими лицами тетралогии среди прочих являются валькирии, и одна опера в составе этого цикла так и называется «Валькирия». Творчество Вагнера возбудило среди русской интеллигенции начала XX в. новую волну интереса к скандинавскому и германскому фольклору, сопоставимую с первой волной, пришедшейся на начало XIX в.

На лексическом уровне в этом стихотворении Гумилев реализует амбивалентные ассоциации, связанные с образом «чаши из черепа», которые обозначил еще А. С. Пушкин в «Послании Дельвигу» (1827). Это ассоциации со смертью («окровавленными ногтями», «запевают в крови века», «славные битвы», «вражда к жизни», «валькирии») и ассоциации с жизнью, через образы застолья и употребления алкогольных напитков («волосами, желтыми как мед» — мед был еще и хмельным напитком, «слаще самого старого вина», «пиров я жду», «брага хмельная»). Гумилев следует за Пушкиным и Байроном, используя образ «чаши из черепа», который возникает в заключительном четверостишии, в качестве кульминационного образа всего стихотворения, предельно воплощающем антитезу «жизнь — смерть». «Чаша из черепа» в исторической линии своего функционирования — символ героического прошлого русского народа.

Четвертый источник формирования образа «чаша из черепа» — трагедия У. Шекспира «Гамлет» (1600—1601) и барочная символика черепа, которые активно осваиваются русской культурой первой трети XIX в.

Романтизм Байрона, скандинавская традиция и гамлетизм сошлись в упомянутом стихотворении А. С. Пушкина «Послание Дельвигу», что уже было неоднократно отмечено

пользуется вне связи с древней русской историей, а именно для образной, метафорической передачи пограничного состояния лирического героя, ментально или физически находящегося между жизнью и смертью. Такое использование обусловлено тем, что чаша связана с символикой жизни, а череп — с символикой смерти. Это проявляется в таких текстах, как «Бред» (1908) М. А. Зенкевича, «Флейта-позвоночник» (1915) В. В. Маяковского и в цикле «Стихи о неизвестном солдате» (1937) О. Э. Мандельштама, где создается амбивалентный образ черепа: символ смерти, который, став чашей, превращается в символ возрождения и вечной жизни:

Для того ль должен **череп** развиваться
Во весь лоб — от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается **череп** от жизни
Во весь лоб — от виска до виска,
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пениться, сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец...
[Мандельштам 2011: 207].

Текст Мандельштама представляет кульминацию развития метафорической линии. М. Л. Гаспаров указывает на связь этих строк со стихами и прозой Мандельштама о натуралистах. Он же отмечает несколько подтекстов у этого отрывка: «Череп» Баратынского и стихотворения Зенкевича 1908—1914 гг., «Гамлет» Шекспира и «Улисс» Дж. Джойса [см.: Гаспаров 1996: 36—37].

В сочетании с образами других частей цикла «Стихи о неизвестном солдате», в который входит и рассмотренное стихотворение, «чаша из черепа» оказывается связана с самыми важными вопросами и смыслами человеческого существования: рождение, рост, развитие, отцовство, умирание, уникальность личности и слабость человеческого тела, свобода и насилие, героизм и обречен-

ность, краткость одной жизни и вечность культуры, память и забвение. Связь чаши из черепа с возрождением устанавливается через сравнение черепа с чепчиком. Череп, сшитый из костяных пластин, визуально схож своими зубчатыми швами с чепчиком для новорожденного ребенка. Череп и чепчик соотносятся еще и через метонимический перенос: «чепчик счастья» — это то, что остается на голове новорожденного после родов, потому что «чепчик счастья», как доказали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, является следующим:

<...> это явная — с сохранением падежных отношений! — калька немецкого *Gluckshaube* (*das Gluck* «счастье» + *die Haube* «чепчик»), обозначающего те фрагменты околоплодной оболочки, которые могут остаться на голове, лице и верхней части туловища новорожденного и согласно многочисленным поверьям, приносят счастье своему обладателю <...> [Литвина, Успенский 2011: 74].

Заключительные строки отрывка о черепе, таким образом, превращаются в своеобразный гимн новой жизни.

В русской поэзии XX в. актуализируется еще один источник концепта «чаша из черепа» — «История» Геродота, который приписывал древним скифским племенам следующую традицию почитания умерших:

Рассказывают, что у исседонов существуют следующие обычаи: если у кого умрет отец, все родственники пригоняют к нему скот, затем убивают животных, нарезают мясо на куски вместе с покойным родителем хозяина, все мясо мешают вместе и устраивают пиршество. **Голову покойника** обнажают от волос, вычищают ее изнутри и покрывают золотом, потом пользуются ею, **как священным сосудом** при совершении торжественных годовичных жертвоприношений. Празднество устраивает у них **сын в честь отца**, как у эллинов праздник поминовения покойников [Геродот 2014: 323—324].

Именно такое пиршество, на котором сын пьет из черепа своего отца, и описано в стихотворении Ю. П. Кузнецова «Я пил из черепа отца» (1977). Скорее всего, подобная трактовка поэтического образа попала в него из текста Геродота. При такой интерпретации питье из черепа отца в стихотворении Кузнецова однозначно становится ритуалом почтения и установления связи с погибшем на войне отцом:

Я пил из **череп**а отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.

Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывтые землей
[Кузнецов 1990: 175].

Следует отметить, что исследователи творчества поэта предпринимали многочисленные попытки определить источник столь провокационной образности стихотворения, а следовательно, верно интерпретировать его смысл. Указывалось на влияние Пушкина [см.: Соколов 1979: 5], образы библейской поэзии [см.: Рогощеников 1988: 97—98], новаторство самого Кузнецова [см.: Косарева 1986: 91—92]. Но на наш взгляд, «История» Геродота являлась самым подходящим и доступным автору источником, объясняющим не кощунственный, а почтительный посыл данного текста.

Можно вспомнить и стихотворение «Памяти отца» (2012) И. Лиружа, эпиграфом к которому автор поставил первую строку стихотворения своего предшественника Кузнецова:

Я пью из **череп**а отца
В старинном доме у Арбата.
В овальной комнате когда-то
Он сам сидел у поставца.
Я **пью** из черепа отца ...<...>
Здесь, в комнате, свернулись в кольца
Воспоминания о нем —
Вальяжном, рыжем и губатом:
На кресле кожаном, замятом,
За старым письменным столом...
[Лируж 2012: 210—212].

Эту смысловую линию образа «чаша из черепа», восходящую к свидетельству Геродота, можно условно обозначить как линию

памяти. Чаша из черепа предка — знак памяти о прошлом, связующая поколения нить, символ непрерывности человеческого рода.

В XX в. образ «чаша из черепа» переходит также и в поле массовой культуры, становится определенным клише, и именно в таком варианте с ним работает В. Б. Кривулин в стихотворении «Миллениум на пересменке» (2000). Эту линию мы обозначили как ироническую:

кто пил из **черепа отца**
кто ел с чужой тарелки
но тоже не терял лица
не портил посиделки

и даже кто не ел не пил
а просто был допущен
стоять на стреме у перил
да кланяться идущим <...>

все провожая каждый год
в небытие к монахам
как радовались мы что вот
живем под новым знаком

год уходил а **век** торчал
с новорожденным студнем
в обнимку и мороз крепчал
и штамп стучал по судьбам <...>

и думаешь после всего
что он сплясал на цырлах
отпустят белянским его
с переговоров мирных?
[Кривулин 2001: 49—50].

В этом тексте поэт подводит итог целой эпохе — и веку, и тысячелетию. С помощью образа «чаша из черепа» он создает яркую характеристику поколения XX в.: это те, кто «пил из черепа отца» или не пил из него. Разделение происходит именно по этому признаку, выбранному из бесчисленного множества других.

При этом общий смысл этой характеристики негативный, а само разделение совершенно условно, поскольку разницы между этими группами на деле нет. Образ «чаши из черепа» отца, безусловно восходящий к тексту Кузнецова, не случайно возникает именно в первой строке первой строфы. Он задает трагически-ироническую интонацию всему тексту. Трагизм связан и с памятью лирического героя о прошлом, и с его восприятием настоящего.

Амбивалентный образ «чаша из черепа» снова актуализируется в тексте, лирический герой которого ощущает себя в промежуточном состоянии между жизнью и смертью, прошлым и будущим. Это означает, что смысловое ядро образа сохраняется и проявляет себя даже на рубеже XX—XXI вв. Текст Кривулина замыкает полный цикл развития художественного образа: зарождение — фиксация в текстах «высокой» культуры — формирование смыслового ядра — новые интерпретации — достояние массовой культуры.

СОКРАЩЕНИЯ

Батюшков 1964 — *Батюшков К. Н.* Из письма к Вяземскому П. А. от февраля 1816 г. («То думал видеть в нем героя...») // Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 255—256.

Гаспаров 1996 — *Гаспаров М. Л.* О. Мандельштам: гражданская лирика 1937 года. М., 1996.

Геродот 2014 — *Геродот.* История. М., 2014.

Гумилев 1991 — *Гумилев Н. С.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Владивосток, 1991.

Карамзин 1993 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 6 кн., 12 т. Кн. 1. Т. 1—2. М., 1993.

Косарева 1986 — *Косарева Л. А.* Через дом прошла разрыв-дорога: (О противоречиях творчества Ю. Кузнецова) // Вопросы литературы. 1986. № 2. С. 91—92.

Кривулин 2001 — *Кривулин В. Б.* Стихи после стихов. СПб., 2001.

Кузнецов 1990 — *Кузнецов Ю. П.* Избранное: стихотворения и поэмы. М., 1990.

Лируж 2012 — *Лируж И.* И ничего не изменить. Стихи. Поэмы. М., 2012.

Литвина, Успенский 2011 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Чепчик счастья: к интерпретации одного образа в «Стихах о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2011. № 35. С. 69—88.

Мандельштам 2011 — *Мандельштам О. Э.* Малое собрание сочинений. СПб., 2011.

Мерзляков 1867 — *Мерзляков А. Ф.* Стихотворения. М., 1867.

Пушкин 2012 — *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2: Стихотворения 1825—1836. М., 2012.

Рогощенков 1988 — *Рогощенков И. К.* Память и надежды. М., 1988.

Родзянка 1972 — *Родзянка А. Г.* Два века // Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 1. 164—165.

Рылеев 1934 — *Рылеев К. Ф.* Полное собрание сочинений. Л., 1934.

Соколов 1979 — *Соколов В.* «Прими сей череп...» // Литературная газета. 1979. 15 авг.

Цявловская 2012 — *Цявловская Т. Г.* Примечания // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2: Стихотворения 1825—1836. М., 2012.

Шарыпкин 1980 — *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980.

Byron 1842 — *Byron J. G.* The complete works of lord Byron. In one volume. Paris, 1842.